

ДЕМОКРАТИЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ

А.И. Абдула

Если попытаться дать общую оценку состоянию современного общества, то в качестве одного из его неотъемлемых атрибутов можно выделить устойчивую тенденцию к утверждению демократических принципов в качестве базовых ценностей культуры. Даже в тех странах, где торжество демократических идеалов предполагается лишь в перспективе, наблюдаются процессы, позволяющие говорить о распространении системы норм и ценностей, как правило, ассоциирующихся с демократией. Очевидно, что демократия имеет набор характеристик, делающих этот режим привлекательным, обеспечивающих его эффективность и устойчивость. Можно предположить, что одной из таких ее особенностей является возможность обеспечения наивысшего уровня легитимности власти, определяющая высокий потенциал развития и функционирования социальных институтов [3, с. 113]. В то же время понятие «демократия», как и связанная с ней категория «легитимность», — многомерные, исторически изменчивые, а потому в значительной степени неопределенные. Не вполне прояснен и даже может быть поставлен под сомнение и ценностный базис функционирования различных режимов, позиционирующих себя в качестве демократических. Острота этой проблематики определяется и тем, что наше общество также претендует на причастность к демократическим традициям или, по крайней мере, сходным образом определяет соответствующие задачи своего развития.

На наш взгляд, небезинтересно, обратившись к проблеме демократической легитимности, рассмотреть наиболее актуальные аспекты ее функционирования с учетом специфики, характерной для постсоветского пространства т. наз. «переходной демократии».

Классическая концепция легитимности, являющаяся базовой при рассмотрении данной проблемы с точки зрения социальных наук, сформулирована М. Вебером [2]. Понятия «легитимность», «легитимный порядок» были введены Вебером как инструмент описания и анализа власти с точки зрения ее престижа, оправдания, признания [7, с. 23]. То есть легитимной является такая власть, которая, опираясь на определенные принципы легитимности (социально значимые причины, обосновывающие право власти приказывать, и обязанности масс подчиняться), сознательно принимается массами, а не просто навязывается им [9, с. 27].

Обращаясь к проблеме легитимного господства, Вебер выделяет три идеальных типа господства, которым соответствуют три принципа легитимности (см.: [4, с. 80-90]). В основе первого типа — легального господства, соответствующего европейским буржуазным государствам, лежит формально-правовое начало. Легальная власть основывается на признании добровольно установленных юридических норм, направленных на регулирование отношений управления и подчинения. Наиболее развитой формой этого типа власти является конституционное государство, в котором беспристрастные нормы регламентируют его функционирование [9, с. 48]. Традиционному господству в патриархальном или сословном государстве соответствует вера в законность и священность издревле существующих порядков и властей. И, наконец, харизматическое господство основано на харизме — экстраординарных качествах и способностях лидера. При этом и традиционный и харизматический типы, при кажущемся различии, опираются на личные отношения между господином и подчиненными [4, с. 86].

Что касается правового государства (парламентской демократии), которое Вебер называет «легальным господством», то оно имеет наименьшую легитимирующую силу, поскольку подразумевает формальный, свободный от ценностей тип управления [4, с. 90]. Поэтому легитимность такого государства нуждается в подкреплении либо традицией (монархической), либо харизмой (избираемого политического лидера). Таким образом, для современного западного общества, согласно Веберу, характерно единство трех составляющих: рационально организованной системы управления, харизматичного лидера и выполняющего критико-контролирующую функцию парламента [4, с. 91]. Как видим, ценностный аспект либеральной демократии ставится под сомнение уже в одной из фундаментальных концепций легитимности.

Альтернативой поиску ценностно-рационального основания классического либерализма являются концепции, противопоставляющие

либеральную модель демократии модели республиканской. Если в либеральной модели люди тем более свободные, чем более рационально они действуют (Вебер), то в республиканской модели на первый план выходит понятие равенства [5, с. 104]. По мнению Ю. Хабермаса, анализ либеральной и республиканской моделей демократии позволяет выделить ряд их отличительных особенностей, в числе которых и различные подходы к легитимности. Так, республиканская модель демократии, кроме присущих либеральной модели регулятивной инстанции верховной государственной власти и децентрализованной регулятивной инстанции, рынка включает еще один источник общественной интеграции, которым, по мнению Хабермаса, является солидарность [10, с. 382]. Это означает, что:

а) в указанных моделях различаются концепты гражданина государства — если в либеральной модели доминирует принцип негативной свободы («свободы от»), то в республиканской — свободы позитивной («свободы для»);

б) в этих моделях по-разному интерпретируется понятие права: т. е., если по либеральным воззрениям смысл правопорядка состоит в том, что он в каждом отдельном случае позволяет установить, какие права принадлежат тем или иным индивидам, то по республиканским воззрениям эти права существуют благодаря некоему объективному правопорядку;

в) существует разногласие относительно природы политического процесса: если в либеральной модели формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере подчиняется рыночным процессам, то в республиканской модели имеет место публичная коммуникация, ориентированная на взаимопонимание [10, с. 383-387].

Таким образом, республиканская модель предлагает концепцию легитимности, основанную на процессе публичного обсуждения принятия решений, в котором общество устанавливает конкретные цели. С другой стороны, либералы рассматривают власть, прежде всего как принуждение, поэтому нормативное содержание демократии находится в индивидуальных правах, которые защищают индивида от вмешательства в частную сферу [5, с. 112-113].

Критикуя обе концепции легитимности, Ю. Хабермас предлагает альтернативную, т. наз. дилиберативную модель демократии, которая является их своеобразным синтезом. Такая демократия, являясь формой организации публичного и открытого использования власти, должна основываться на процедурном принципе свободной аргументативной дискуссии, в которой каждого гражданина воспринимают как рав-

ного с правовой и политической точки зрения [5, с. 114].

Однако, несмотря на разносторонность концепций демократии, обеспечивающую достаточно глубокое осмысление данной проблематики, Пьер Розанвалон, например, считает, что человечество находится лишь на начальном этапе понимания истинной сущности демократии [8]. По его мнению, современная концепция легитимности, сформировавшаяся в 80-х годах XX столетия, в значительной степени отличается от уже устаревших концепций начала века. Так, атрибутами современной демократии, по его мнению, являются не легитимность, происходящая от общественного признания определенной власти, или легитимность как соответствие определенным нормам или ценностям, а их место занимают легитимность беспристрастности (подчинение императиву отдаленности от партийных позиций и отдельных интересов), легитимность рефлексивности (подчинение императиву учета множественного выражения общего блага), и легитимность приближенности (императив признания всех частностей) [8, с. 15].

Если описанные выше типы демократии в той или иной степени все же соответствуют идеальному типу легального господства в веберовской интерпретации, то эвристический потенциал харизматического и традиционного типов в современной ситуации ставится под сомнение. Связано это, прежде всего, с тем, что на протяжении XX в. изменяется характер традиционной власти, а харизматические лидеры становятся довольно редким явлением [1, с. 59]. С другой стороны, имеет смысл говорить, например, о специфике обществ посттоталитарного типа, не слишком удачно вписывающихся в общепринятую концепцию, в связи с чем возникает тенденция к расширению веберовской типологии.

Один из вариантов такого расширения состоит в том, чтобы вместо трех идеальных типов выделить семь вариантов легитимации: согласие под угрозой насилия, легитимность в силу традиции, согласие в силу апатии, прагматическое подчинение (ради собственной выгоды), инструментальная легитимность (для реализации идеи общего блага), нормативное согласие и идеальное нормативное согласие [1, с. 59].

Развитие установки на расширение типологии может рассматриваться и в более радикальном варианте, когда предлагается выделить «крайние точки» полной осознанной нелегитимности и полного одобрения, а реально существующие режимы расположить между ними. Однако, поскольку эти крайние точки, по сути, также являются идеализациями, то практическое их исследование крайне затруднено [1, с. 60]. В этом контексте достаточно продуктивным представляется подход, когда предлагается, взяв за основу демократическую

легитимность, как реально существующую и актуальную, дополнить ее новыми типами, например, квазилегитимным типом. Так, общества переходного типа характеризуются феноменом квазилегитимности, когда за наличие легитимности режима принимается факт отсутствия социального взрыва или относительная социальная стабильность. Другой пример квазилегитимности — легитимность ассоциирующаяся с отсутствием прямого государственного насилия в широких масштабах [1, с. 60].

К феномену квазилегитимности можно отнести также и характерный для постсоветского пространства процесс формирования псевдodemократических институтов, которые, создавая лишь видимость демократии, сознательно поддерживаются гражданами на фоне общего разочарования в демократических идеалах или их неприятия. Рассмотренные выше особенности наиболее специфичны для обществ, находящихся на раннем этапе демократических преобразований. Тем не менее, можно выделить и более универсальные характеристики посттоталитарного общества, которые проявляются на всех этапах его развития и относятся, в том числе, и к нынешнему состоянию Украины.

Одна из таких особенностей состоит в том, что критика власти отождествляется с неприятием режима в целом. При этом партия власти может осознанно ассоциировать себя с режимом (например, подчеркнуто именуя себя «демократической»), настаивать на том, что ее отход от власти может привести к возврату авторитаризма [1, с. 60]. Еще одна особенность посттоталитарных систем — всеобщая коррумпированность, которая значительно подрывает авторитет власти и ведет к потере легитимности [1, с. 60]. Для обществ переходной демократии характерно и уклонение граждан от политического участия, которое проявляется в уклонении от взаимодействия с официальными или общественными организациями, от процесса принятия реальных решений и т. д. [6, с. 500]. Это явление, очевидно, может быть обусловлено дискредитацией идеи гражданского общества и формированием особого состояния общественного сознания с преобладающим характером патерналистских ценностей [11, с. 169].

Если попытаться оценить состояние современного украинского общества с точки зрения политической культуры, в значительной степени определяющей легитимность и включающую в себя оценку обществом институтов власти, требования к публичной власти в целом, отношение общества к принципам взаимодействия индивида, общества и государства, исторически сформировавшиеся политические традиции и т. д., то следует отметить, что ее демократический потенциал

находится еще на стадии формирования [11, с. 170]. Тем не менее, речь может идти о том, чтобы использовать, доказавшие свою эффективность механизмы легитимации с учетом специфики посттоталитарного прошлого Украины. К ним можно отнести: целенаправленное формирование системы демократических ценностей на основе наиболее приемлемой с исторической точки зрения модели (например, республиканской демократии); укрепление демократических институтов и развитие гражданского общества; укрепление правового государства и введение конституционализма как принципа функционирования государственных институтов, повышение экономической эффективности режима [6, с. 504]. В случае реализации этих принципов сохраняется перспектива дальнейшего формирования в нашем обществе политической культуры, обеспечивающей развитие демократии.

Как видим, проблематика демократической легитимности наполняется новым содержанием, прежде всего потому, что не стоит на месте, постоянно эволюционируя, сама демократия. Этот процесс заставляет искать новые подходы к осмыслению легитимности, учитывая не только специфику ее изменений в странах с развитой политической культурой, но и особенности функционирования этого феномена в странах с тоталитарным прошлым. Поэтому разработка концепции легитимности с учетом этих особенностей и европейских демократических традиций может помочь, на наш взгляд, определить цели и перспективы развития нашего общества.

Литература

- [1] *Алексеева Т.А.* Личность и политика в переходный период // Вопросы философии. — 1998. — № 7. — С. 58-65.
- [2] *Вебер М.* Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [3] *Висоцький О.Ю.* Демократія як інструмент легітимативної політики // Грані. — 2006. — № 4. — С. 113-117.
- [4] *Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. — М.: Политиздат, 1991.
- [5] *Гребіневич О.* Легітимативні процеси в суспільстві ліберально-демократичної культури // Філософська думка. — 2005. — № 6. — С. 90-126.

- [6] *Основи демократії* : Навч. посібник для студ. вищ. навч. закладів / Авт. колектив: М. Бессонова, О. Бірюков, С. Бондарук [та ін.] ; За заг. ред. А. Колодій. — К. : Вид-во «Ай Бі», 2002.
- [7] *Попова І.* Соціологічний підхід до вивчення легітимності та легітимації // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 21-41.
- [8] *Розанвалон П.* Демократична легітимність. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.
- [9] *Саністебан Л.* Политические системы и легитимность // Диалог. — 1993. — № 4. — С. 45-49.
- [10] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб. : Наука, 2001.
- [11] *Цокур Є.Г.* Специфіка легітимації влади в контексті двовимірної моделі класифікації політичних систем // Грані. — 2010. — № 2. — С. 168-173.

Надійшла до редакції 25 травня 2012 р.